

копіи съ грамоты царей Петра и Іоанна; отъ Я. Зравомылова—зубъ мамонта.

Въ члены комитета избрана г-жа Литвинова (Глуховъ, Черниговской губ.).

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, при-
славшимъ сообщенія и предметы для выставокъ и музею древностей
университета.

Приложенія къ протоколу двадцать перваго засѣданія.

I.

Докладъ проф. М. С. Дринова.

Этнографическія наблюденія А. Ф. Музыченка надъ болгарскими
колонистами Феодосійскаго уѣзда.

Какъ извѣстно, въ 18 и 19 вѣкахъ въ нынѣшнія южнорусскія
губерніи, Бессарабскую, Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую
переселилось значительное количество южныхъ славянъ изъ сербскихъ
и болгарскихъ областей. Старшіе изъ этихъ переселенцевъ, переселеніе
которыхъ происходило въ 18 в., въ царствованія Елисаветы Петровны
и Екатерины II, уже совершенно обрусѣли, оставивъ по себѣ память
въ нѣкоторыхъ фамилныхъ названіяхъ современнаго намъ русскаго
населенія этихъ губерній, а также въ мѣстной номенклатурѣ послѣд-
нихъ. На нѣкоторые южнославянскіе слѣды такого рода указано въ
извѣстныхъ трудахъ А. А. Русова, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ,
въ одномъ изъ засѣданій нашего историко-филологическаго общества,
упоминалъ и о подмѣченныхъ имъ южнославянскихъ чертахъ въ жен-
скихъ костюмахъ современнаго русскаго населенія Екатеринославской
и Херсонской губерній, особенно въ окрестностяхъ Елисаветграда. (Не
лишнимъ считаю припомнить, что городъ этотъ обязанъ своимъ про-
исхожденіемъ сербу полковнику Ивану Хорвату, основателю „Новой
Сербіи“). Что касается болѣе позднихъ южнославянскихъ, главнымъ
образомъ болгарскихъ, переселенцевъ, водворившихся въ первой поло-
винѣ 19-го вѣка въ губерніяхъ Бессарабской, Херсонской и Таврической
(въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ послѣдней, а также на
Крымскомъ полуостровѣ), то довольно значительная часть ихъ все еще
сохраняетъ свой языкъ и свои этнографическія особенности. О нѣко-
торыхъ изъ нихъ имѣются уже болѣе или менѣе значительные печатные
этнографическіе и лингвистическіе матеріалы, обнародованные двумя

русскими изслѣдователями: П. Э. *Задерацкимъ* въ его статьѣ „Болгаре поселенцы Новороссійскаго Края и Бессарабіи“¹⁾, напечатанной еще въ 1845 г., въ „Москвитинѣ“ № 11, стр. 159—187, и Н. С. *Державинимъ* въ статьѣ „Очерки быта южно-русскихъ болгаръ“, появившейся не такъ давно въ Этнографическомъ Обзорѣни за 1898 г. № 3, стр. 37—63, и № 4 стр. 113—126²⁾. Матеріалы *Задерацкаго* собраны въ нынѣшнихъ губерніяхъ Бессарабской и Херсонской, матеріалы же г-на *Державина* относятся къ болгарскимъ колонистамъ Бердянскаго уѣзда, которые, нужно сказать, находятся въ особенно близкомъ родствѣ съ Бессарабскими своими единокровцами, такъ какъ и сами они жили до недавняго времени въ Бессарабіи, откуда переселились въ Бердянскій уѣздъ въ 1861—1862 г. Относительно же тѣхъ болгарскихъ колонистовъ, которые обитаютъ на Крымскомъ полуостровѣ, до самаго послѣдняго времени не проникали въ печать никакія извѣстія и матеріалы подобнаго же рода. За восполненіе этого пробѣла въ настоящее время дѣятельно привился А. Θ. *Музыченко*, преподаватель 4-й Одесской гимназіи.

Въ 1899 году онъ обнародовалъ въ *Этнографическомъ Обзорѣни* (кн. XLIII) довольно большую статью, въ 36 страницъ, подъ заглавіемъ: „Бытъ болгаръ-поселенцевъ Феодосійскаго уѣзда“. Статья эта весьма содержательная, написана на основаніи непосредственныхъ наблюденій автора надъ бытомъ жителей села *Кишлава*, одной изъ древнѣйшихъ болгарскихъ колоній въ Крыму, основанной въ 1804 г. Это—довольно большое село, насчитывающее до 2000 жителей, находится въ 15 верстахъ къ сѣверо-западу отъ городка *Старо-Крыма* и расположено въ красивой мѣстности близъ извѣстнаго *Туплинскаго* женскаго монастыря.

Для указанныхъ своихъ наблюденій г. *Музыченко* обставленъ былъ весьма благопріятными условіями. Дѣло въ томъ, что онъ провелъ свои дѣтскіе годы въ названной болгарской колоніи, гдѣ отецъ его учитель-

---

¹⁾ Совершенно почти позабытая уже теперь статья *Задерацкаго* и до сихъ поръ не потеряла своего научнаго значенія. Въ ней помѣщены интересныя замѣтки о жилищахъ, занятіяхъ и одеждѣ болгаръ, объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, забавахъ и увеселеніяхъ. Къ этому матеріалу прибавлены и шесть народныхъ болгарскихъ пѣсенъ, записанныхъ безъ соблюденія вѣрнаго склада, размѣра стиховъ. Они переизданы въ извѣстномъ сборникѣ *Безсонова*.

²⁾ Въ первой части статьи г. *Державина* описаны довольно подробно родинные и свадебные обычаи Бердянскихъ болгаръ, во второй же помѣщены восемьдесятъ два народныхъ повѣрія, записанныхъ подъ диктовку Бердянскихъ поселянъ съ удержаніемъ особенностей ихъ говора. Къ болгарскому тексту *повѣрій* прибавленъ русскій переводъ ихъ, отличающийся большою точностію. Мы отмѣтили въ немъ лишь около пяти—шести неисправностей, изъ коихъ главнѣйшая касается болгарскаго глагола *смазятъ* (= ссорить), неправильно переведенный глаголомъ *смерзнуть* (въ 67 повѣрїи).

ствовалъ довольно долго. Тогда еще онъ имѣлъ возможность основательно изучить практически болгарскій языкъ со всѣми отгѣнками Кишлавскаго говора. Къ тому-же, онъ тогда снискалъ себѣ любовь Кишлавскаго населенія, относившагося съ глубокимъ уваженіемъ къ его отцу. Вслѣдствіе всего этого, когда г. Музыченко года четыре тому назадъ, будучи уже студентомъ, отправился въ Кишлавъ для собиранія этнографическаго матеріала, тамошнее населеніе, очень недовѣрчивое къ заглядывающимъ къ нему инородцамъ, приняло его радушно, какъ своего родного, и всячески содѣйствовало успѣху его дѣла.

Въ вышеозначенной статьѣ, въ которую г. Музыченко внесъ только часть собраннаго имъ въ эту поѣздку матеріала, прежде всего представлена характеристика отношеній между Кишлавскими представителями различныхъ половъ до брака, при чемъ описаны довольно обстоятельно нѣкоторыя общественныя собранія или установленія, на которыхъ молодыя дѣвушки и парни могутъ встрѣчаться и узнавать другъ друга. Это—*хоръ* (праздничные хороводы), *пупрелки*, попрылки (осеннія досвѣтки), происходящія по ночамъ подъ открытымъ небомъ, вокругъ большихъ костровъ, *дружини* (зимнія посидѣлки) и *меджи*. Это—турецкое названіе ¹⁾ хорошо извѣстныхъ во всѣхъ болгарскихъ краяхъ собраній, носящихъ тамъ обыкновенно славянское названіе *тлака*, которое какъ по своему производству, такъ и по значенію вполне соотвѣтствуетъ малорусскому *толока* (великорус. *помочь*). Остальная часть занимающей насъ статьи посвящена описанію обрядовъ, которыми сопровождается совершеніе нѣкоторыхъ предсвадебныхъ дѣйствій, именно *помолвки* (главежа) и обрученіе (годежа). Сообщаемыя авторомъ подъ всѣми указанными рубриками свѣдѣнія, отличающіяся большою обстоятельностью, показываютъ, что крымскіе болгарскіе поселенцы свято сохраняютъ преданія глубокой старины, вынесенныя сто лѣтъ тому назадъ ихъ отцами и дѣдами изъ Болгарскихъ странъ. Въ описываемыхъ г-мъ Музыченко обычаяхъ и обрядахъ нерѣдко встрѣчаются очень архаичныя черты быта, которые уже пришли въ забвеніе въ самой Болгаріи или же удерживаются тамъ пока въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ.

Въ занимающей насъ статьѣ помѣщено около десяти народныхъ пѣсень, записанныхъ отчасти самимъ авторомъ, отчасти же, по его просьбѣ, двумя учениками Кишлавскаго училища. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсень не совсѣмъ хорошо выдержанъ ихъ размѣръ. Такъ, первая изъ нихъ, напечатанная на стр. 42—43, начинается слѣдующими стихами:

---

¹⁾ См. въ Словарѣ Дювернуа подъ словомъ *Меджия*.

Прочула са я, малеля,
Сулумка, малка дэвойка,
Че хи іе бяду лицату
И хи са църни учия...
„Шу да си сторя, малеля
Да зема Сулумка, малка дэвойка?“

Размѣръ этой пѣсни (несомнѣнно восьмисложный) прекрасно сохраненъ въ первыхъ пяти изъ приведенныхъ тутъ стиховъ, но въ слѣдующемъ за ними шестомъ стихѣ, вмѣсто ожидаемыхъ восьми, находимъ уже одиннадцать слоговъ. Такой неуклюжій стихъ явился, повидимому, вслѣдствіе сліянія во едино (съ нѣкоторыми сокращеніями) двухъ отдѣльныхъ стиховъ, которые, по всей вѣроятности, должны были гласить такъ:

Да зема тая Сулумка,
Сулумка малка дэвойка.

Въ дальнѣйшей части разсматриваемой пѣсни также встрѣчаются нарушенія размѣра, хотя и не столь значительныя. Они заключаются главнымъ образомъ въ прибавленіи, безъ всякой надобности, къ нѣкоторымъ стихамъ по одному или по два лишнихъ слога, состоящихъ большею частію изъ разныхъ частицъ. Подобныя же болѣе или менѣе значительныя нарушенія виѣшняго склада стиховъ находятся еще въ четырехъ другихъ изъ помѣщенныхъ въ разсматриваемой статьѣ пѣсняхъ ¹⁾. Въ остальныхъ же пяти, напечатанныхъ на стр. 47, 60, 61, 64 и 69, такія неисправности попадаются очень рѣдко.

Особенности народнаго языка переданы хорошо въ изданныхъ г. Музыченкомъ пѣсняхъ. Благодаря этому, послѣднія могутъ служить прекрасными образцами Кишлавскаго говора ²⁾, который является очень сходнымъ съ Мало-Терновскимъ говоромъ (въ восточной части Адрианопольской области).

¹⁾ Неисправность, о которой тутъ рѣчь, встрѣчается и во многихъ другихъ сборникахъ болгарскихъ пѣсень. Главною причиною ея, по нашимъ наблюденіямъ, является записываніе пѣсень не во время ихъ пѣнія, а подъ диктовку не очень искусныхъ сказителей.

²⁾ Считаемо не лишнимъ указать на нѣкоторыя, повидимому, опечатки, замѣченныя нами въ этихъ пѣсняхъ. На стр. 43 въ стихѣ „майци ты хизметъ да врѣсти“ послѣднее слово поставлено вм. *врѣши* или *врѣши* (= вершить, совершать). На стр. 57 въ словахъ *скупиии*, *сбратіету* начальное *с* есть предлогъ *съ*, вслѣдствіе чего не должно быть сливаемо съ этими словами. На стр. 60 вм. *я ку* чит. *яку* (яко, ако = если); вм. *ку ти* чит. *кути* (отъ кога, когда); на стр. 64 вм. *ла иа* чит. *лаиа* (отъ лѣга, лгу).

Между занимающими насъ Кишлавскими пѣснями имѣется одна историческая, заслуживающая особеннаго вниманія. Въ ней воспѣвается смерть *Индже-воеводы* (Енджэ, Янджэ), одного изъ самыхъ видныхъ предводителей (своего рода condottieri) кирджалиевъ, которые въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣка безнаказанно совершали страшные грабежи, разоренія и всякія другія неистовства въ Турціи, находившейся тогда въ полной анархіи вслѣдствіе возмущенія противъ султана нѣсколькихъ областныхъ правителей. Особенно сильно свирѣпствовали Кирджалии въ болгарскихъ областяхъ, многіе изъ жителей которыхъ вслѣдствіе этого вынуждены были тогда покинуть свои родныя жилища и переселиться въ Валахію, Молдавію и въ Россію. Буйствами Кирджалиевъ вызваны и выселенія основателей древнѣйшихъ болгарскихъ колоній въ Крыму, одной изъ которыхъ былъ и Кишлавъ.

Кирджалии состояли главнымъ образомъ изъ мусульманъ, но въ числѣ ихъ было также не мало христіанъ, между прочимъ и болгаръ, каковымъ былъ и герой извѣстной повѣсти Пушкина („Кирджали“). Болгариномъ былъ и занимающій насъ Индже воевода. Слово *Индже*—турецкое и означаетъ: *тонкій, стройный, легкій*. Это—турецкое прозвище, знитетъ воеводы, собственное имя котораго было *Панчо* ¹⁾, встрѣчающееся во формѣ Панко еще въ древнѣйшихъ болгарскихъ памятникахъ.

О смерти Индже-войводы имѣется у болгаръ довольно много пѣсенъ и разсказовъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ разсказы, записанные около половины прошлаго (19-го) вѣка Задерацкимъ ²⁾, Раковскимъ ³⁾ и Гайдуконъ П. Хитовымъ ⁴⁾ со словъ стариковъ, видѣвшихъ лично популярнѣйшаго изъ кирджалийскихъ вождей. Въ этихъ разсказахъ говорится, что Индже-воевода убитъ выстрѣломъ изъ ружья во время сдѣланнаго имъ набѣга на село *Еникюй* (около города Айтоса). Выстрѣлъ былъ сдѣланъ деревенскимъ мальчикомъ при переходѣ Индже-воеводы черезъ мостъ названнаго села. Умирая, Индже-воевода не только воспретилъ своимъ дружинникамъ наказывать убійцу, но и щедро одарилъ послѣдняго. Въ сущности такъ же передано дѣло о смерти Индже-воеводы и въ занимающей насъ Кишлавской пѣснѣ, кото-

¹⁾ Такъ онъ названъ въ двухъ болг. пѣсняхъ, обнародованныхъ въ сборникѣ Дозона № 27 (Панчо Индже воевода) и 28 (Заплакала е гората... за юнакъ Панча Инджето).

²⁾ Въ вышеназванной его статьѣ.

³⁾ *Раковский*, Горскій пѣтникъ, списанъ въ лѣто 1854, стр. 192, 282—284.

⁴⁾ Повагонъ *Хитовъ*. „Моето пътуванье по стара планина и животописаніето на нѣкои Български стари и нови воеводи“. Я пользуюсь русскимъ переводомъ этихъ записокъ Хитова, помѣщеннымъ во 2-мъ томѣ славянскаго сборника. Спб. 1877.

рая, повидимому, составлена по горячим слѣдамъ воспѣваемаго въ ней событія ¹⁾, и быть можетъ, занесена въ Кишлавскую колонію еще первыми ея болгарскими основателями, выселившимися сюда въ 1804 г. Если такъ, то по этой пѣснѣ можно думать, что смерть Индже воеводы, хронологія которой еще не установлена, происходила не позже 1804 г. и, по всей вѣроятности, не много раньше этого года.

Изъ недавно вышедшаго девятого выпуска „Лѣтописи историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ“ узнаемъ, что въ одномъ изъ засѣданій Византійско-славянскаго отдѣленія этого Общества (23 марта 1901 г.) г. Музыченко дѣлалъ сообщеніе „о болгарахъ-поселенцахъ Крыма“, посвященное исторіи поселенія этихъ болгаръ и ихъ свадебному ритуалу. Въ краткихъ замѣткахъ объ этомъ сообщеніи, помѣщенныхъ въ отчетѣ объ указанномъ засѣданіи (см. протоколы, стр. 45) говорится, что референтъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ имъ изъ дѣлъ волостнаго правленія села Кишлава, указывалъ, что „древнѣйшимъ болгарскимъ поселеніемъ въ Крыму надо считать *Старый Крымъ*, затѣмъ *Кишлавъ*, заселенный въ 1804 г.“; при этомъ онъ сообщалъ, что въ одномъ присяжномъ листѣ, находящемся въ дѣлахъ того же волостнаго правленія, указывается „на *Стоилово* и *Мурзово*, какъ на мѣста, откуда пришли кишлавцы“ и что „устное преданіе (нынѣшнихъ) кишлавцевъ (сверхъ указанныхъ двухъ селеній) называетъ, какъ таковыя мѣста, еще *Хамсъ*, *Урумелъ* (?), *Урари*, *Грамматюково*, *Загорско* и *Търново Малко*. Далѣе г. Музыченко сообщалъ, что основанный болгарами въ Крыму Кишлавъ, разросшись, выселилъ изъ себя цѣлый рядъ другихъ колоній: *Чаи*, *Марфовка*, *Кабурчакъ*, *Калтак* и *Каясты*. Изъ этихъ краткихъ замѣтокъ объ исторической части занимающаго насъ сообщенія видно, что послѣднее содержитъ въ себѣ немало новыхъ любопытныхъ историческихъ матеріаловъ, дѣлающихъ весьма желательнымъ скорѣйшее его обнародованіе въ полномъ видѣ.

Вышеупомянутыя поселенія *Стоилово*, *Грамматюково* и *Търново Малко* находятся въ сѣверо-восточной части Адрианопольской области, въ бассейнѣ рѣки *Велика*, не очень далеко отъ Фракійскаго черноморскаго берега. Изъ нихъ-то, повидимому, и вышли главнымъ образомъ основатели болгарской колоніи въ Кишлавѣ. По всей вѣроятности, они переѣхали въ Россію по Черному морю на какихъ нибудь русскихъ купеческихъ корабляхъ, какъ сдѣлали, тремя годами раньше ихъ, ос-

¹⁾ Въ ней сохранилось даже и названіе села *Еникюй*, впрочемъ съ незначительными и весьма понятными передѣлками въ *Ерикюво*, *Есекия*.

нователи Старо-Крымской колоніи, выселившіеся въ Россію тоже изъ сѣверо-восточной приморской части Адрианоградской области, черезъ Созопольскую пристань ¹⁾).

Объ этнографической части занимающаго насъ здѣсь сообщенія г-на Музыченка въ краткихъ замѣткахъ объ этомъ сообщеніи сказано лишь слѣдующее: „референтъ подробно изложилъ (тутъ) обряды самой свадьбы, момента предшествующаго ей и момента, ее завершающаго (възвратки), т. е. визита молодыхъ матери невесты“. Повидимому, это— продолженіе рассмотрѣнной выше статьи г-на Музыченка, которое также написано на основаніи матеріаловъ, собранныхъ авторомъ въ Кишлавѣ во время вышеуказанной его поѣздки туда.

По имѣющимся у насъ частнымъ свѣдѣніямъ, г. Музыченко въ прошлое лѣто совершилъ новую поѣздку къ своимъ крымскимъ друзьямъ, запаса тамъ новымъ, повидимому, очень обильнымъ этнографическимъ матеріаломъ и въ настоящее время усердно занимается приведеніемъ его въ порядокъ.

М. Дриновъ.

II.

Замѣтка г. Еленева.

Объ „Острой Могилѣ“ въ Славяносерб. уѣздѣ, Екатериносл. губ.

Острая Могила—приблизительно круглый холмъ; размѣры: отъ вершины до периферіи основанія 8 саж.; высота насыпи 2½ саж. Разрыта могила была слѣдующимъ образомъ: съ запада на востокъ отъ края до центра (по радіусу) была сдѣлана выемка въ 1 саж. ширины до самой почвы. При раскопкѣ было найдено: 1) каменный дискъ (известнякъ) въ діаметрѣ около вершка; 2) немного надломленная кремневая стрѣлка; 3) желѣзный предметъ, паяный латунью изъ 2 кусковъ. Всѣ эти предметы попали очевидно случайно въ насыпь, такъ какъ лежали отдѣльно другъ отъ друга въ землѣ между камнями. Въ 2 саж. отъ центра на глубинѣ 0,8 саж. найдены сгнившіе зубы, подъ которыми оказался костякъ; всѣ части скелета перемѣшаны: около черепа кости колѣна и пр. Между костями зола; теменная кость черепа была обуглена. Всѣ кости на воздухѣ рассыпались въ порошокъ. На самой вершинѣ могилы на ¼ арш. отъ поверхности найдена чаловѣческая челюсть

¹⁾ См. донесеніе Новороссійскаго губернатора Миклашевскаго Императору Александру I отъ 1801 г. въ статьѣ Г. Занетова: „Български колоніи въ Русія“, напечат. въ Період. Списание Болгарск. Книж. Дружества, кн. 39, стр. 381.